

Этнопсихология

Алексей Обухов

Современное состояние смехового мира в русской традиционной культуре

(по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 1993—1998 гг.)

Теория и история смеховой культуры

Историко-культурная заданность смеховой культуры

Изучение особенностей смеховой культуры в разных эпохах, социальных общностях может дать большее понимание такого психологического феномена как смех. Термин «смеховая культура» широко используется исследователями комического и смехового мира (М.М. Бахтиным, Д.С. Лихачевым, В.Я. Проппом, Л.Е. Пинским, С.С. Аверинцевым и др.). В фундаментальных культурологических трудах раскрывается феномен смеха именно через его изучение в контексте историко-культурной заданности. «Каждая эпоха и каждый народ обладает особым, специфическим для них чувством юмора и комического, которые иногда непонятны и недоступны для других эпох».¹

Смеховой мир, как «антимир»
официальной культуры серьезности

Смех одновременно представляется и как мирозерцающий, и как миропреобразующий, и как миросоздающий. Как писал М.М. Бахтин: «Смех имеет глубокое мирозерцательное значение, это одна из существенных форм правды о мире в его целом, об истории, о человеке; это особая универсальная точка зрения на мир, видящая мир по-иному, но не менее (если не более) существенно, чем серьезность».² Смех раскрывает существование внеофициального мира — праздничного, материально-телесного. Он устраняет одноплановость и однозначность миропонимания. Смех переворачивает «нормальный» мир, показывает его изнаночную сторону, открывает «голую» правду, создает свой, изнаночный мир. По словам Д.С. Лихачева смеховой мир является скорее не оппозицией мира официальных отношений, а обратной его стороной, «антимиром». «При этом антимир противопоставлен не просто обычному миру, а идеальному миру, как дьявол противостоит не человеку, а Богу и ангелам».³ В различных культурах смеху отводились определенные моменты, когда он опрокидывал официальный порядок и становился полновластным хозяином в мире (карнавалы, скоморошеские праздники и др.). «На протяжении всего года были рассеяны островки времени, ограниченные строгими праздничными датами, когда миру разрешалось выходить из официальной колеи».⁴ Были специальные служители смехового мира — люди, которым было позволено быть смешными, смеяться или смешить (шуты, скоморохи, балагуры, дураки, юродивые и др.).

Особенность смеховой культуры
Руси

Общий контекст культуры диктует особенности смехового мира. Смех отталкивается от господствующих ценностно-нормативных парадигм, находя им несоответствия, переворачивая их или принижая.

Итак, смех созерцает существующий мир, оценивает его, выворачивает наизнанку и создает свой, смеховой, мир.

Смеховая культура на Руси всегда была особой и неоднозначной. Возможно, одна из причин этого в отсутствии резкого различия между официальной и народной культурами. Православный идеал аскетичности и послушания отвергал все то, что давал смех — свободу, господство материально-телесного. В некоторое противоречие с этим вступали такие национальные черты как свободолюбие, безудержность, стремление к преодолению преград. Поэтому смеху на Руси с древних времен и до наших дней отводилось особое место, именно он разрешал противоречие внутри русской души. Отношение к нему было более нетерпимое. «Домострой» запрещал смеяться и играть с ребенком.⁵ Если католичество старалось укротить смех, приру-

чить его, то православие резко его запрещало — отсюда родилась характерная черта русского народа: «смеяться, когда нельзя!..».⁶

На Руси также существовали (частично еще сохранившиеся в памяти народной традиционной культуры) обычаи, связанные со смехом и карнавалом, — Святки, Масленица, Ночь на Ивана Купала и многие другие. Однако православие не испытывало ничего похожего на официальное разрешение смеха в отличие от католицизма. Русская карнавальная традиция воспринималась как серьезное нарушение церковной морали, и после праздничных бесчинств требовалось очищение. Смех выступал как бесовское начало.

Смех и отношение к нему
православной церкви

В Киево-Печерской Лавре при входе в Ближние Пещеры изображены на фресках все мытарства, которым подвержен человек. Первым из них идет сквернословие и смехотворчество. Греховному смеху противопоставляется божественный плач. В Писании Преподобного отца Иоанна игумена Синайской горы («Лествице»), которое имело особое почитание на Руси, сказано: «Имея дарование плача, удерживай его всею своею силою. Ибо прежде совершенного усвоения он крайне легко отъемляется и, как воск от огня, удобно тает от мятежей и забот телесных, от роскоши, особенно же от многоречия и смехотворчества. [...] Если смиренномудрию ничто так не содействует, как плач, то, без сомнения, ничто так не противодействует ему, как смех...».⁷ Основой смеха считается ложь: «Один лжет для забавы, другой из сластолюбия, иной, чтобы привести в смех присутствующих, а другой, чтобы поставить сети и сделать зло брату».⁸ Интересно, что смех ставится в один ряд с многословием или сквернословием, чем показывается его связь с «пустой» или злой энергией. В этот ряд можно сразу добавить еще пустословие и злословие. В уставном каталоге грехов смехотворство и поныне находит себе место. Православный должен принести покаяние при смехотворчестве.

Парадокс древнерусского смеха

Но, несмотря на это, в древнерусском смехе существует удивительный парадокс, показывающий, что не только народная культура вобрала в себя православие, но и православие многое позаимствовало из нее. Парадокс этот заключается в огромном количестве пародий на молитвы, псалмы, службы, на монастырские порядки. Д.С. Лихачев объясняет разрешение пародии по той причине, что осмеивалось не содержание, а внешние формы, стили. Конкретные произведения и авторы практически не пародировались, поскольку они были мало известны или слабо распространены в народе, а осмеивался определенный

«Валять дурака»

жанр. К тому же существовала интересная особенность древнерусского смеха: персонажи, подвергаемые осмеянию, являются не объектами, а субъектами. Тот, кто смеялся, изображал себя дураком, глупым — вызывал смех над самим собой. «Смешающий «валяет дурака», обращает смех на себя, играет в дурака. (...) Функция смеха — обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покрова этикета, церемониальности, искусственного, неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества. Обнажение уравнивает всех людей. При этом дурость — это та же нагота по своей функции. Дурость — это обнажение ума от всех условностей, от всех форм, привычек. Поэтому-то говорят и видят правду дураки. Они честны, правдивы, смелы. (...) Они правдолюбцы, почти святые, но только «наизнанку».⁹

Древнерусский смех — это смех «раздевающий», обнажающий правду, смех голого, ничем не дорожащего. В нем большую роль играет выворачивание наизнанку. Изнаночный мир не теряет связи с настоящим миром. Наизнанку выворачиваются настоящие вещи, понятия, идеи, молитвы, церемонии, жанровые формы и т.д. Однако вот что важно: вывертыванию подвергаются «лучшие» объекты — мир богатства, сытости, благочестия, знатности. Смех создает свой мир — антимир. При этом антимир противопоставлен не просто обычному миру, а идеальному миру, как дьявол противостоит не человеку, а Богу и ангелам.

Балагурство и скоморошество

Особая национальная русская форма смеха — балагурство, которое служит обнажению слова, его обесмысливанию при помощи рифмы и этимологии слов. Скоморошество — своеобразный русский аналог западного шутовства — является так же неотъемлемой частью русской культуры.

И смех и грех

Смех становится опознавательной чертой нестыдящегося срамоты беса. Русский язык фонетически соединил слова смех и грех; поставил рядом — бес и шутка. Вот некоторые из русских пословиц: «Где смех, там и грех»; «Мал смех, да велик грех»; «Навели на смех, да и покинули на грех»; «И смех и грех»; «В чем живет смех, в том и грех». Нечистая сила и смех идут вместе рука об руку: «Шутил бы черт с бесом, водяной с лешим»; «С чертом не шути: перетянет»; «Леший пошутит — домой не пустит; водяной пошутит — утопит»; «Домовой пошутил: лошадь в подворотню протащил (изломал)»; «Не шути с чертом: из дубинки выпалит, убьет»; «Чем черт не шутит»; «Шутить бы черту со своим братом!».¹⁰

Юродство между смеховым миром и церковной культурой

Самый сложный и многоликий чисто русский феномен — юродство. «Юродство занимает промежуточное положение

ние между смеховым миром и миром церковной культуры. Можно сказать, что без скоморохов и шутов не было бы юродивых. Связь юродства со смеховым миром не ограничивается «изнаночным» принципом (...), а захватывает и зрелищную сторону дела. Но юродство невозможно без церкви: в Евангелии оно ищет свое нравственное оправдание, берет от церкви тот дидактизм, который так для него характерен. Юродивый балансирует на грани между смешным и серьезным, олицетворяя собой трагический вариант смехового мира. Юродство — как бы «третий мир» древнерусской культуры».¹¹ Юродивый обязан «ругаться миру», то есть жить среди людей и при этом обличать пороки и грехи сильных и слабых, не обращая внимания на общественное приличие. В действиях юродивых могут быть выделены особые символические — «смеховые действия». «Они могут рассматриваться как особые знаки, содержащие самоотрицание, допускающие свободу выбора взаимопротивоположных вариантов интерпретации».¹² Русское юродство ведет начало от Преподобного Исаакия Печерского Затворника,¹³ что само по себе весьма символично — имя Исаак в переводе с еврейского означает смех.

Отголоски древнерусского смеха

В XIX в. еще существовали отголоски древнерусского смеха: балагурство балаганных дедов, смех которых был ради смеха, лишенный какого бы то ни было сатирического характера шутовства.

Традиции колядования, святошного смеха, масленичных гуляний продолжают существовать до сих пор, но, правда, уже в остаточном виде. А пасхальный смех был запрещен только в XVIII в. решением Синода.

Смеховой мир в русской традиционной культуре с уходом древнерусского карнавала не прекратил свое существование. Он остается не менее живым и находит себе проявление в различных формах в традиционном сознании.

Исследование современного состояния смехового мира в русской традиционной культуре

Фольклорно-этнографические экспедиции

Современное состояние смехового мира в традиционной культуре изучалось автором по материалам фольклорно-этнографических экспедиций, проводимых с 1993 года Домом научно-технического творчества молодежи филиалом МГДТДиУ и средней школой №1333 «Донская гимназия». Под руководством Н.В. Свешниковой в 1993 г. — поморская деревня Черная речка Кандалакшского р-на Мурманской обл.; в 1994 г. — село Байкальское на северо-западном берегу оз. Байкал; в 1995 г. — поморское село Калгалакша Энгозерского р-на Карелии; в 1996 г. — д. Першлахта, д. Поромское, д. Шишкино, с. Вершинино по берегам оз. Кенозеро Плесецкого р-на Архангельской обл. Под руководством автора экспедиции проходили в деревнях Кенозерского национального парка: летом 1997 г. — д. Рыжково, д. Минино, д. Ершово, д. Глазово, д. Печихино, д. Телицыно, д. Федосово, с. Вершинино; зимой 1998 г. — с. Лекшозеро.

Ряд материалов, собранных в экспедициях, может рассматриваться как подтверждение существования тех или иных механизмов и действия определенных функций смеха в традиционной культуре и их различия с городской. Мы пытаемся определить, какие существуют особенности существования и действия смеха, отношения к нему и способов применения в современной традиционной культуре.

Карнавал в календарной обрядности

Как уже говорилось, в народной культуре издревле существуют различные механизмы построения смехового мира, такие как карнавал, внутри которого создается особый универсум смеха, где реализуются все его функции. Карнавал на Руси был сопряжен с праздниками календарной обрядности. Нами в экспедициях собирались только остаточные явления календарной обрядности. Можно говорить об утрате целостности особых смеховых праздников, их органического существования в традиционной культуре. В большинстве диалогов прослеживается сильное смешение праздников, пришедших из городской культуры, со старыми традиционными. Например, в Калгалакше День рыбака полностью заменил собой праздник Св. Петра (покровителя рыбаков). Новый год и Рождество вообще практически не дифференцируются: «Кому что больше нравится, тот то и празднует» (Данилов С.И., 1935 г.р.); или в Черной Речке: «Гадали на Новый год»

Смещение традиционных церковных и новых советских праздников

Вырождение и исчезновение
карнавала

(Кораблева У.Е., 1928 г.р.). Зачастую происходит упоминание советских и традиционных вперемежку. О праздниках, проходивших по карнавальному смеховому принципу, вспоминают как о былом: «Праздников много было, не сосчитать буде. Теперь нету. Теперь никто не празднует. Старушки мы только, сколько нас есть старушек в деревне, да, празднуем, не работаем. А молодежь никуда не годная. Пьют. Доселе праздники-то мы справляли, бражечки сделаем, по чашечке выпьем и запоем всякие песни досельные. Теперь пьют, мать-перемать только» (Костина А.М. 1914 г.р. — с. Калгалакша). Причина современного замещения пьянством былого карнавала нам видится не в том, что стали пить и поэтому не празднуют более никак по-другому, а наоборот. Смеховые праздники требуют полного включения в ситуацию (смеховые механизмы требуют этого, иначе невозможно). «Карнавальная смех, во-первых, всенароден (всенародность принадлежит к самой природе карнавала), смеются все, это — смех «на миру», во-вторых, он универсален, он направлен на все и на всех (в том числе на самих участников карнавала), весь мир представляется смешным, воспринимается и постигается в своем смеховом аспекте».¹⁴ При изменении схемы праздника с традиционного карнавала, где все строилось по принципу слияния ролей («зритель = актер») и каждый человек полностью включен во все происходящее, на схему городского театра, где принцип иной — противопоставление «сцена — зритель», включения не происходит и участнику просто неинтересно и скучно чувствовать себя неприобщенным к общему действию. Идет поиск замещения чувства соучастия, приобщения, и находится — алкоголь.

Участие трех поколений в
праздниках

Однако, в праздновании престольных праздников на Кенозере принимают участие все поколения. Ярким примером было наблюдение за празднованием Егория в д. Рыжково, где в клубе была устроена дискотека, на которой были все жители деревни от старожил до маленьких детей. В клубе чередовались игра на баяне В.И. Худякова (1920 г.р.) и «музыки из колонок» ставившаяся его внуком. Характерна фраза, выкрикнутая Василием Худяковым младшим (1977 г.р.): «Я под музыку хочу танцевать, а не под баян!». При видимой музыкальной борьбе деда и внука, народу было все равно, лишь бы танцевать и веселиться. Казалось, что люди не замечают смену музыки. Часто «заводилами» на таких дискотеках являются представители старшего поколения, выводящие молодежь на танцы с лавочек и показывающие «как в былые времена кадрили ходили».

Когда все жители ближайшей округи собрались на Ильин день в д. Рыжково показывать москвичам как кадрили ходили, нами было отмечено, что все восемь колен кадрили помнят только некоторые представители старшего поколения. Среднее поколение помнит только некоторые элементы кадрили, а младшее практически не знает, как ходят кадрили. Старые песни помнит также только старшее поколение, среднее и младшее знает в основном городской романс и народные песни, передаваемые по радио. Однако в ходе всего праздника было хорошо заметно, что все жители были активными участниками веселья и балагурства. Выделялись «заводилы», самые активные участники (обычно из среднего, но иногда и из старшего поколения), подзадоривавшие других, а также те, кто «знает как надо» праздновать, к которым обращались за советом «заводилы», когда активность всеобщего действия шла на спад (обычно самые старшие жители деревни).

Влияние книжной культуры на традиционную

В селе Лекшмозеро мы находились во время встречи Рождества, празднования святок и колядования. В этом большом селе празднование проходило «под руководством» учителей школы, общественных активистов села. Было отмечено кардинальное отличие праздников, наблюдаемых нами в д. Рыжково и в с. Лекшмозеро по принципу существования. В с. Лекшмозеро праздники задолго готовились и репетировались группой учителей и учеников «как правильно», исходя из книжных знаний о традиционных праздниках. В таких праздниках разделялись зрители и актеры, зал и сцена. В Рыжково нами наблюдались карнавальные принципы существования праздника, где все являлись участниками. Вообще, стоит отметить сильное влияние книжной культуры и средств массовой информации на самосознание сельских жителей. Жители села, получая знание о традиционной культуре из городской, начинают разделять «как правильно» (из книг и СМИ) и «как у нас» празднуют праздники или поют песни. Книжная же культура убивает настоящее бытование смехового мира праздника. Было отмечено, что вырождение и, зачастую, исчезновение смехового праздника происходит, если нет механизмов построения смехового мира. Нас же более интересовало, как смех и его принципы проявлялись и действовали в традиционной культуре. В записанном материале экспедиций по календарной обрядности достаточно много текстов обрывочных воспоминаний о тех или иных праздниках и различных действиях на них. Во всей символике праздничных действий прослеживается та же амбивалентная природа, как и у самого смеха. Для примера рассмотрим несколько текстов, записанных в Помо-

Амбивалентная символика смехового мира праздника

рье о праздновании Пасхи, которые могут иметь прямую или косвенную связь со смеховым миром, его символизмом и традициями. «На Пасху днем мыли полы, потом мылись в бане... Делали качели. На этих качелях катались девушки и парни, а для маленьких детей делались качели отдельно» (Нифакина Н.Н., 1930 г.р. — д. Черная Речка). «На Пасху с утра встают рано, глядят на солнышко — вывернется тепло, в Пасху утром солнце само себя показывает, там всяка игра. Во солнышко играть, жить хорошая будет. У кого? Весь земной шар должен хорошо жить» (Кораблева Е.Н. 1911 г.р. — с. Калгалакша). Очищение перед воскресением водой, а после воскресения — очищение огнем. Вода и огонь — два амбивалентных символа, которые охватывают собой центральное событие праздника. Но что же такое «во солнышко играть»? Фраза, произнесенная с карельским оборотом, имеет смысл в том, что солнышко играет, то есть светит. В народном сознании фраза солнышко играет, очень ярко отображает понятие хорошо. Игра — это радость, веселье, добро. Солнце — это основа жизни в мире, опека существования всего живого на Земле. И вдруг эта основа и опека заиграла, то есть перестала быть серьезной. Фразу про игру солнца можно понять как особое отношение к миру, где хорошо тогда, когда есть игра, а игра без смеха бывает редко. Качели же в свою очередь очень древний многозначный символ амбивалентного характера. Он может пониматься по-разному. Например, как одновременно грехопадение, смерть, так тут же и очищение, воскресение, падение и взлет; так же катание на качелях можно понимать как своеобразный прообраз акта coitus. Обе возможные трактовки подтверждают неслучайность присутствия качания на качелях в различных карнавальных обрядах смехового мира. При самом качании часто произвольно появляется смех, либо как защита от страха высоты, либо из-за особых «щекотливых» ощущений. Катание на качелях, захватывая также как смех, и вместе со смехом, создает ситуацию радости и игры.

Огромное множество карнавальных действий несут в себе амбивалентную символику и зачастую направлены на вызывание смеха либо на переведение ситуации в смеховую, обесценивая ее или принижая. Происходит это по различным мотивам. Особенно это заметно в молодежных игрищах, направленных на контакт между участниками противоположных полов. Смех в этих играх помогает снять внутреннее и внешнее напряжение вызываемое несоответствием глубинных желаний нормам поведения общества. Смех дает возможность перевести серьезные намере-

Семейная обрядность — ритуал
ухаживания

ния в игровые, несерьезные. При этом происходит разрешение этих намерений без осуждения со стороны социальных запретов.

В поморских селах и в деревнях Кенозерья поражает простота в ритуалах ухаживания за невестой. «Подошел он [будущий муж] ко мне, хлопнул по голове и пошли мы с ним кадрили танцевать» (Костина А.М., 1914 г.р.). Кроме простоты самих предсвадебных взаимоотношений, заметна некоторая ироничность в рассказах об ухаживаниях. «А у нас невест не выбирают — с маху да и под рубаху» (Сивцева К.Ф., 1922 г.р.). Ситуация в тех деревнях, в которых мы работали, была такова, что если девушка смогла выйти замуж, то это большая удача, а если нет, то можно было просидеть в девицах всю жизнь. Несерьезное, ироническое отношение к этой проблеме помогает пережить ее, позволяет обсудить ее на людях, заявить о ней и тем самым несколько снизить накал переживаний.

Роль смеха как проявления желаемой радости во взаимоотношениях между девушкой и парнем выразительно отражается в следующем тексте:

Я по речке брела,
За камушек запнулась.
Дролю, дролю увидала,
Сразу рассмеялась.

(Артемов Д.Е., 1905 г.р. — д. Телицыно)

Смех и смерть

В отношении похоронной обрядности можно отметить лишь жестко действующий запрет на смех во время траура и на кладбище, где соединяются земной и загробный миры. Это было подтверждено в Калгалакше, где мы работали во время траура по утонувшему рыбаку с его матерью Богдановой А.М. (1927 г.р.). В этой ситуации смех предавался полному запрету и не мог выполнять своих поддерживающих и помогающих ролей, отстраняя от трагедии. В разговорах с А.М. Богдановой часто встречались моменты, где она старалась пошутить, посмеяться, но каждый раз, как бы одергивалась и становилась вновь серьезной. В таких случаях, возможно, смеху не дается возможность проявляться по причине его способности к обесцениванию и принижению, что при потере близкого человека неприемлемо. Известна значительная связь смерти и смеха в различных карнавалыных обрядах в форме имитации похорон и похоронных процессий (Д.С. Лихачев, В.Я. Пропп, О.М. Фрейденберг). Но «смех возможен только там, где есть жизнь».¹⁵

Каравецкого озерушка
Середочка — волной.
Не придется ягодиночки
Смеяться надо мной.

(*Тишинина М.Д.*, 1925 г.р. — д. Першлахта)

При пародировании смерти в карнавальных играх происходит смеховая защита перед страхом смерти, а когда смерть приходит в реальной жизни, то происходит немедленный запрет на смех, так как «радость смеха есть радость жизни»¹⁶, а когда жизнь уходит, то должен уходить и смех.

Достаточно известно свойство смеха как предвестника смерти — смех над жизнью человека. Приведем пример из рассказов о том, как в 1933 году в Калгалакше рушили церковь. Об этом вспоминают все жители села. «Сейчас в здании, оставшемся от церкви, находится сельский клуб, а вместо кладбища, находящегося в деревне около церкви, стал танцевальный луг — «Загорка». Играли в основном на балалайках, редко на гармошках, танцевали кадрили и краковяк» (Ефремова Р.В., 1921 г.р.). Мы видим связь загробного мира и современной карнавальной культуры, при этом весьма кощунственную. Так же Римма Васильевна, вспоминая о разрушении церкви, сказала такую фразу: «Крест рубили — три топора смеялись — кресты крепкие — листовница. (...) Тех, кто церковь разорял, на войне сразилу в первую неделю поубивало. Учитель утонул». Опять связь смеха и смерти. На этот раз смех роковой — смех топоров над святым, что потом повлекло за собой смерть тех, кто был причастен к тому, что «смеялось», тех, кто держал топоры. Безусловно, этот смех не реальный, а образный, особый символ, который вырвался через уста Р.В. Ефремовой.

Ярким примером связи смеха и смерти являются записанные нами тексты, в которых фигурируют «служители смехового мира», когда идет речь о смерти, либо смех является причиной смерти:

Шли, шли, шли скоморошки,
Вверх гузном по дорожке,
Срезали по пруточку,
Сделали по гудочку.
Вы, гудки, не гудите,
Батюшку не будите,
Батюшка у нас старенький,
Матушка молоденька,
А братья все по службам,
А сестры все по замужьям,

А брата Романа убили,
Под пологом схоронили,
А кто об нем поплачет,
А кто об нем покрячет.

(Нифакина М.И., 1930 г.р. —
д. Черная Речка)

Цыгане в озере купались,
Цыганятки плавали.
Цыган цыганочку топнул,
Второй со смеху утонул.

(Фофанова Е.М., 1926 г.р. —
д. Рыжково)

Смех как оберег от нечистой силы

Смех может быть и роком и оберегом — опять амбивалентность. Особая роль смеха как своего рода оберега от нечистой силы, от страха перед ней и т.п. достаточно известна. Это было отображено в материалах наших экспедиций. В рассказе Ефремовой Р.В. (1921 г.р.) о том как ее «водил» по лесу леший, говорилось о выходе из такой ситуации: «Чтобы леший не путал, нужно раздеться догола, всю одежду встряхнуть, отойти в сторону, матюгнуться или рассмеяться, поплевать на нечистую силу, а потом одеться. Тогда выйдешь». Здесь мы видим смех и мат в одном ряду. Смех, так же как и мат, является своего рода выражением презрения и небоязни нечистой силы, отстранения от ситуации, возвышения над ней путем ее принижения. Функции смеха и мата в принижении в этом случае совпадают и являются своеобразным оберегом. Отличие смеха и мата в том, что мат подвержен полному табуированию, а смех — лишь частичному. «Смеяться, собственно, — нельзя, но не смеяться — сил никаких нет».¹⁷ Мат для шутки запрещен, но часто употребляется в рамках анти-поведения. Как известно, смех создает свой анти-мир. Мат же является элементом анти-культуры.¹⁸ Зачастую и смех, и мат исполняют одну и ту же функцию — принижения или ниспровержения, а также отрицания официальной культуры. Только мат в этом случае является более целостным и односторонним. Смехотворство и сквернословие считаются одинаковым грехом. Сходство смеха и мата очевидно, но при всем при этом они являются очень разными по своей природе. Мат осмеивает, а смех не матерится — это расхождение и имеет основное значение в разведении этих понятий.

В рассуждениях о смехе как об обереге от нечистой силы необходимо отметить, что при записях рассказов о личном опыте взаимодействия с ней информанты практически

всегда смеялись. Здесь смех помогал отстраниться от неприятных воспоминаний, переводил их из личного эмоционального переживания в отстраненный рассказ о случае. Также часто могут применяться комические принципы построения ситуации для снижения страха перед ней. Вот, например, частушка про лешего:

Шел я лесом — видел беса —
На чугунных на ногах;
Ноги длинные, нос ольховый,
Папиросочка в зубах.

(Ефремова Р.В. 1921 г.р. — с. Калгалакша)

Эта «папиросочка в зубах» делает нагнетенное описание страшности лешего неожиданно приземленным, очеловеченным.

Опасность насмешки над нечистой силой

Однако когда смех выступает как проявление неверия он становится помехой, а иногда и опять же причиной роковых последствий. В тех же быличках о леших можно было встретить подобные рассказы: «Если заблудился в лесу, надо переодеть одежду. Я ей говорю, а она мне не верит. Хохотала, хохотала, так целый час блудили. Все-таки переоделись, а тропинка-то рядом» (Прокопьева Т.Ф., 1946 г.р. — д. Рыжково). В данном случае смех не являлся ритуальным действием и поэтому не выполнял функции оберега. Смех обесценивал не проблему, а решение проблемы. В другом случае смех как насмешка, проявление неуважения к «нечистой силе» влечет за собой наказание. На Кенозере нами было записано несколько схожих вариантов былички о потерянных овцах. Приведем в пример одну из них. «Однажды потерялись две овцы. Искали мы их целую неделю, не могли найти. А мне бабушка сказала поворожиться. Сказали, надо подмести дом в большой угол, положить все в передник. Это надо делать утром рано. Найти место в лесу, далеко, где три дороги сходятся. Сходила я к лесу и мусор выкинула, да сказала: «На твое, отдай мое». Пришла домой, снежная от ужаса, и надо мной засмеялся муж. А утром нашли овец мертвых. А вот, говорят, не надо ему смеяться-то было и они бы, овцы, живыми бы остались. Муж посмеялся над лесовым-то, а тот взял да и овец утопил» (Залаяжная Л.Ф., 1958 г.р. — д. Рыжково).

Проявление смехового мира в малых жанрах

Так как календарная и семейная обрядности на современном этапе зачастую утрачиваются, возникает вопрос, где же находит свою реализацию смех сейчас в традиционной культуре, в чем может выразиться, в каких формах? Ответом на этот вопрос может быть — в малых фольклорных жанрах — анекдотах и частушках. В связи с этим нами бы-

Анекдот в традиционной культуре

ли предприняты попытки рассмотреть особенности проявления смеха в этих жанрах в современной традиционной культуре на основе материалов наших экспедиций.

В отношении анекдотов на основе экспедиционного материала можно сделать следующие предположения, что их репертуар, бытующий в современной деревне, полностью идентичен репертуару, имеющему или имевшему хождение в городе. Это, правда, и не странно, если считать родной анекдота город. При сборе материала выявилась одна закономерность, по которой наблюдается определенное отставание репертуара анекдотов по содержанию. Отставание наблюдалось по всем параметрам:

1. По времени популярности — анекдоты, которые имели пик популярности в городе несколько лет назад (от 2 до 5), а сейчас уже не имеют широкого хождения среди городского населения, — являются самыми популярными в деревне.
2. По возрастному репертуару — анекдоты, которые рассказываются в городе более младшими, в деревне рассказываются более старшими по возрасту (например, характерный набор для младших школьников из города здесь рассказывается школьниками средних классов). То есть опять отставание от 2 до 5 лет, но это наблюдается у информантов младшего поколения (4—18 лет), у среднего и старшего поколения мы не заметили существенных возрастных изменений в репертуаре.
3. По уровню интеллектуальности и сложности комической ситуации — точно определить степень отставания здесь очень трудно, но наблюдается использование в основном внешних и грубых — несоответствия в построении смешовой ситуации, а анекдоты по типу сложной семантической игры слов или многоплановости ситуации, то есть так называемый «тонкий юмор», широкого хождения, как показывают наши наблюдения, в деревне не имеет.

Особо следует отметить наличие местных историй, которые являются по жанру чем-то промежуточным между быличкой и анекдотом. В основном они связаны с часто встречающимся явлением в деревне, имеющим свои корни в повальном пьянстве, особенно среднего поколения — белой горячкой. Приведем в пример несколько подобных историй, рассказанных нам информантом младшего поколения М. Головиным (1978 г.р. — с. Калгалакша):

«Мужик напился и уснул. Просыпается от топота на печке, смотрит, а там рота сухариков марширует, а ротный орет: «Рота, кругом!» Помаршировали они и успокоились, тогда мужик и уснул».

«Мужик просыпается на кухне от ветра. Глядь, а под потолком вертолет летает».

Анекдотические былички

«Приходит к мужику парнишка, а ему дядька говорит: «Осторожно, здесь уточки резиновые ходят». «Где?» «Во, в тумбочку просятся, открой. Все, зашли, теперь закрывай». В этих рассказах, для отнесения их жанру анекдота, не хватает неожиданного разрешения ситуации. Но, несмотря на отсутствие неожиданности, здесь существует особый комический механизм, основанный на несоответствии восприятия мира нормальным человеком и героя, находящегося в состоянии измененного сознания. Смех здесь выполняет функцию обесценивания актуальной проблемы, переводя болезнь в комическое состояние.

Топонимическая частушка

Частушки, имеющие исключительно местный характер, привязанные к топонимии данного района, дают богатый материал для понимания психологических особенностей данного этноса, района, деревни; в частушках отражается самооценка жителей деревни, их отношение к внешнему миру. Например, частушки из Черной Речки, пропетые на вечерке у Кораблевой У.Е. (1928 г.р.):

В Черноречку идти —
В гору подниматься.
Чернореченских любить —
Не стоит заниматься.

В Черноречке две избушки
Ходят птички вдоль крыльца.
Бабка кудри завивает —
К милому торопится.

А вот частушки о Калгалакше (Ефремова Р.В., 1921 г.р.):

Калгалашская деревня —
Верти, верти, верти.
Ребята вшивые завшивели —
Боятся подойти.

Я на Каностров хожу —
Сам собой не дорожу.
Пускай головушку проломают —
Я платочком привяжу.

Во всех этих частушках заметно легкое, а порой и не легкое, подтрунивание над собой, самоирония, над ситуацией в деревне, над своими обычаями и взаимоотношениями. Например, последняя из приведенных Чернореченских частушек ярко показывает осмеяние современной ситуа-

ции в деревне. Так же первая приведенная частушка из Калгалакши смеется над собственной нечистоплотностью, а вторая отражает не очень дружественные взаимоотношения двух частей деревни, разделенных рекой Калгой и Каностровом. При всем при этом происходит осмеяние ситуации — возвышение над ней, непринятие вроде бы печального положения (бессмысленности любви в Черной речке, вымирания деревни и т.д.) как серьезного, а переводение ее в смеховой ракурс, благодаря чему уходит страх перед ней, так как то, что смешно — уже не страшно.

Несколько иные частушки о селе Конево Плесецкого района, записанные на оз. Кенозеро (Сивцева А.Ф., 1945 г.р. — д. Поромское):

По Коневушку я шла,
Низко поклонилась.
Дроля ужинать садился,
Ложичка сломилась.

Что Коневушко, Коневушко —
Большое-то село,
Что Коневские ребята
Завлекают хорошо.

Конево — это село, расположенное на выезде в «большой мир» из Кенозерской системы деревень. В кенозерских деревнях мало молодых парней, а Конево — это уже другой, но еще свой мир, на который возлагаются надежды, но не в серьезной, а в ироничной форме. Если бы в серьезной, то если не «завлекут», то возникнет фрустрирующая ситуация, ситуация обманутых ожиданий, а если ожидания выражаются как бы несерьезно, то и невыполнение их так же не страшно.

Соотнесение репертуара частушек с характером информанта

При соотнесении репертуара частушек с характером личности информанта нами была отмечена определенная взаимосвязь характера частушек от самооценки и отношения к миру информанта. Любопытно, что у разных людей, живущих в одной деревне, одинакового возраста, которые вместе переживали объективные трудности жизни, характер репертуара различен именно в зависимости от отношения к миру — либо как к неизбежному гнетущему року, либо как к объективной данности, на которую если посмотреть с некоторой долей иронии, то жить еще можно. В первом случае (как к року) частушки будут примерно такого содержания:

Бедна я, бедна я,
Бедной уродилася.
Кабы я была стеколышком —
Давно уже разбилася.
(Костина А.М., 1914 г.р. — с. Калгалакша)

Много горя у меня,
Много и печали.
Все веселая хожу,
Чтоб не замечали
(Старицына Т.Б., 1935 г.р. — д. Рыжково)

Во втором случае характер частушки будет приблизительно
следующий:

Пейте девушки вино —
Да сорок градусов оно.
Холостого, что женатого —
Нам любить-то все равно.
(Ефремова Р.В., 1921 г.р. — с. Калгалакша)

Я весела, я весела,
Я весела девушка.
Кабы мне, веселой девушке,
Веселого дружка.
(Тишинина М.Д., 1923 г.р. — д. Першлахта)

Мне не все о горе плакать,
Не все о нем тужить,
Надо маленькую долочку
На радость отложить.
(Сивцева А.Ф., 1945 г.р. — д. Поромское)

Поиграй повеселей,
Веселее этого.
Я и милого люблю
Только из-за этого.
(Виноградова М.А., 1927 г.р. —
с. Лекшмозеро)

В первом случае происходит иллюстрация тяжелой жизни, но так как для это используется комический жанр, то оценка горестного в смеховой форме помогает существовать в данности, воспринимая ее такой, какая она есть. Во втором случае частушка помогает преодолеть объективные проблемы через переведение всей ситуации в весе-

Весело смотришь на мир — веселым
он и кажется

Выводы

люю, через желание видеть все более радостно, чем оно есть на самом деле. Весело смотришь на мир — веселым он и кажется.

Один и тот же комический жанр может использоваться по-разному в зависимости от личности человека, который им пользуется, но каждый раз выполняются сходные функции смеха, помогающие в непростой жизни.

Мало выражены такие функции смеха, как агрессивная и интеллектуальная, хотя они так или иначе реализуются, но не на ведущем уровне.

Практически полное исчезновение карнавального смеха не уменьшает роли и важности смеха в традиционной культуре.

¹ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. — М., 1997. — С. 28.

² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М., 1990. — С. 78.

³ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смеховой мир Древней Руси. — Л., 1984. — С. 19.

⁴ Бахтин М.М. — Там же. — С. 104.

⁵ Домострой Сильвестровского извода. — Киев, 1992. — С. 18.

⁶ Цветаева М. Избранные произведения. — Минск, 1984. — С. 9.

⁷ Иоан игумен Синайской горы. Лествица. — М., 1994. — С. 7.

⁸ Там же. — С. 12.

⁹ Лихачев Д.С. Там же. — С. 15–16.

¹⁰ Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3 т. — М., 1993.

¹¹ Лихачев Д.С. — Там же. — С. 72.

¹² Бороденко М.В. Два лица Януса-смеха. — Ростов-на-Дону, 1995. — С. 29.

¹³ Христа ради юродивые. — М., 1902.

¹⁴ Бахтин М.М. — Там же. — С. 17.

¹⁵ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. — СПб., 1995. — С. 115.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе. — М., 1993. — С. 343.

¹⁸ Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. — М., 1996.

